

Алена СУХЕНКО, пос. Парковый. МОУ ДОД «Центр внешкольной работы Тихорецкого района Краснодарского края». Объединение: «Рифма».
Руководитель: Н.А. Реброва, педагог дополнительного образования

«ЖИЗНЬ ПРОЖИТЬ — НЕ ПОЛЕ ПЕРЕЙТИ»

Когда-то в этом доме бурлила жизнь. Была семья. Шум, гам, плач, смех. Но дети выросли, разлетелись. Здесь потом воспитывались внуки, и они уже стали взрослыми.

Как-то незаметно в доме утихло. Остались два старика: муж и жена. А тут горе — она умирает. И остался он один. Где-то в далекой Белоруссии его дети, внуки, а здесь дом и могила жены. Долго не мог старик решиться оставить, как он думал, последнее пристанище и уехать. Но разум победил, а чувства пришлось спрятать глубоко в сердце...

Ночь. Тишина. Ее нарушает лишь шелест встревоженных листьев за окном. Дом пуст. Кое-где валяются забытые ненужные вещи, осколки стекла. А на стене фотография. Мужчина и женщина. Уже немолодые, но и не старые, много испытавшие в жизни и понявшие, что такое жизнь.

Неужели фотография забыта? Нет, она оставлена специально. Не мог он уехать и бросить дом умирать. Его построил он своими руками, каждый кирпичик укладывал, каждый гвоздик забивал. Здесь прошла его жизнь, здесь он любил и горевал, здесь его душа.

Дом не пуст. Двое людей, смотрящих с фотографии, — неразлучны. Они живут в

стенах своего дома. Он — в Минске, она в сырой земле. Как далеки они друг от друга и как близки в доме, где прожили всю жизнь.

До сих пор с уважением вспоминают хозяина этого дома — Александра Васильевича Анашенкова, участника и ветерана Великой Отечественной войны, ветерана труда. Из его воспоминаний: «Очень мудро гласят русские народные пословицы: "Жизнь прожить — не поле перейти", "Жизнь протянется — всего достанется". Многие из моей жизни знакомо и пережито тысячами людей моего поколения. Уместно вспомнить одно стихотворение С.Т. Аксакова, которое в какой-то мере отражает и мою судьбу:

Не в неге я родился,
Не в роскоши я жил.
Работал и трудился,
И зной сносил.
Терпя различны муки,
Боролся я с судьбой.
Мои натруженные руки
Не знали, что есть покой.
Я солнечного восходу,
Ни разу не проспал.
В суровую погоду
Укрытия не искал.
Но младость промелькнула
Ее уж больше нет...
И только скорбь согнула
Упругий мой хребет».

Александр Васильевич родился 5 мая 1910 г. в Смоленской губернии в крестьянской семье. Семья была трудолюбивой, поэтому и считалась по тем временам сред-

не-состоятельной. С ранних лет Саша был приучен к труду. Он помнил всю жизнь слова отца: «Добытое трудом с радостью и принимается и сохраняется, а что получено без труда, то быстро исчезает». Через всю жизнь Александр пронес понятие о труде, как о чести.

В 13 лет он окончил 4 класса сельской школы («и по сей день помню свою учительницу!») — и хотел продолжить учебу дальше. Но детской мечте не суждено было сбыться.

Как служителя культа, отца (он руководил церковным хором, был регентом), а с ним и мать, лишили избирательных прав. На его семью посыпались гонения. Старший брат был вынужден уйти из семьи, а несовершеннолетний Александр и две его сестры остались с родителями. Хозяйство объявляют кулацким («А было у нас 2 коровы, 2 лошади, мелкий скот и птица»). На хозяйство наложили налоги. Отец, боясь репрессий, чтобы рассчитаться с долгами, продает часть имущества.

Наступила коллективизация, и отца полностью раскулачили («Все забирают из дома и со двора, а отца связывают и избивают, когда он просит не забирать одежду»). А через некоторое время отца сослали в город Котлас, на север, как говорили на «Соловки». Заключенные строили железную дорогу Котлас — Воркута, заготавливали лес, добывали уголь. Ухтпечлаг набирал силу.

Это был монстр, который охватил весь Коми край. Конечно, хотелось бы сказать: «Лучше бы этого не было!» Но прошлое нельзя изменить и повернуть вспять. На северной земле Коми нашли свой последний приют тысячи жертв советского политического террора. С юга заключенных доставляли в основном в железнодорожных ва-

гонах. Некоторые изменения произойдут лишь после того, как будет открыто железнодорожное сообщение Котлас-Воркута.

Вагоны, в которых перевозили заключенных, напоминали телячьи. Люди спали в них на голых деревянных нарах. Поезд на станциях не задерживался. Вероятно, НКВД не желало, чтобы рядовые граждане увидели эти плотно забитые клетки.

Питание в течение всего пути было более чем скудным. На сутки было положено 575 граммов хлеба. На завтрак давали суп (баланду), на обед — суп и ложку овсяной каши. Суп варили из кисловатой травы, похожей по вкусу на щавель — Иван-чай. Каша была жидкой, в нее непременно вливали наперсток растительного масла. Многие заключенные вспоминают, что по дороге их кормили соленой рыбой, при этом не давали пить. Можно было растопить снег, если состав двигался зимой, но даже в то время, когда эшелоны стояли в безлюдных местах, среди бескрайней снежной равнины, конвоиры не открывали закрытых снаружи вагонов. Вначале, когда силы еще были, заключенные стучали досками, объясняли, что хотят набрать снега, чтобы растопить его. Ответ был один: не положено! Конвоиры предупреждали, если кто-нибудь выломает окно в вагоне и выскочит, будет расстрелян. На каждой стоянке солдаты-конвоиры с собаками окружали состав. Мало того: стреляли в протянутую руку. Вопреки всему это был единственный способ собрать немного снега или льда.

На нарах не было никаких подстилок, поэтому спали на досках в одежде, в которой ходили на работу. В таких условиях заключенные быстро разводили вшей, поэтому раз в несколько дней их водили в «баню». В помещении рядом проводили прожарку одежды, но это помогало только на одну ночь.

Весной почти все время шли дожди. Сменной одежды не было, поэтому ложились спать в мокрых телогрейках. Утром, иззябшие и голодные заключенные, в распаренной, но непросохшей одежде, шли на работу. Заключенным, не имевшим своей одежды, давали старье, которое не спасало от холода.

Тяжелая работа, несоблюдение гигиенических норм, отсутствие необходимых медикаментов, антигуманное отношение к заключенным со стороны НКВД и непосредственных начальников, плохое пита-

ние, трудные климатические условия сделали свое дело. Основными диагнозами, которые ставили врачи в лагерях Ухтижемлага, были цинга, подагра, дизентерия, туберкулез, дистрофия.

Там отец, Василий Анашенков, умер через год от голода.

Но для семьи на этом репрессии не закончились. Мать вместе с дочерьми, 9 и 11 лет, выселили в лес.

В маленький лесничий домик согнали четыре раскулаченных семьи. Александр Васильевич же каким-то счастливым образом смог завербоваться на погрузку паровозов из Дании в Ленинград. Через три месяца вернулся к матери, но узнав, что его уже разыскивали власти, он поспешно уезжает в город Бузулук, где фельдшером работал его дядя. Тот принял его и устроил в подсобное хозяйство, в огородную бригаду поливальщиком. Проработав лето, он уезжает с дядей на Кавказ, который устроился в городе Кропоткине опять фельдшером в больницу, а сам Александр Васильевич — на железную дорогу.

Проработал там до 1932 г., а потом был призван в Советскую Армию. Умного, добросовестного солдата сразу заметили. Вскоре он получил звание старшего сержанта и отправлен на Дальний Восток, где шла грандиозная стройка железной дороги — выхода к морю. Через полтора года до-

рога была сдана в эксплуатацию. Александр стал мастером мостовых работ и уже с новой приобретенной профессией возвращается к дяде.

Молодому человеку дома не сидится. Ему хочется работать, применить свой опыт, поэтому он пытается устроиться на станцию путей и сооружений по специальности мастер, но ему отказывают. Почему? Да потому, что он сын врага народа, сын кулака. Это был первый тяжелый удар для взрослого, сформировавшегося человека. В конце концов в 1935 г. поступает в профтехшколу в городе Кропоткине. Но через три месяца поднят вопрос о его исключении. Нельзя сыну кулака учиться в советской школе!

Александр любил своего отца. Это был трудолюбивый человек, и свое хозяйство он сколотил благодаря трудолюбию, умению, знанию, экономии. И никто не мог ответить теперь на волновавший сына вопрос: почему труд наказан, почему отец погиб лишь потому, что умел и любил работать, почему он, сын, должен ответить за отца? А за что ответить? От него пытались получить ответ, а Александр Васильевич не мог понять вопрос. Это было трудное время для нашего героя: от него требовали отречения от самого любимого человека, от человека, на которого он всю жизнь хотел быть похожим...

И все-таки, учитывая хорошую характеристику из армии и с мест работы, по ходатайству директора школы Александра оставляют учиться дальше. Он получает диплом машиниста. И до 1941 г. работает в Тихорецком паровозном депо.

Но поверьте мне, человек не может быть до конца счастлив одной работой. Перед ним обязательно должны быть цель, мечта, стремление, смысл жизни и, конечно же, любовь.

Александр Васильевич родился под счастливой звездой. Он смог в смуглой девушке разглядеть то, что не смогли увидеть другие. Нежность взгляда, открытая улыбка, стук каблучков поразили его. А покорять девушку не пришлось. Обаятельный высокий юноша понравился Анастасии сразу. И в 1937 г. у каждого на безымянном пальце появились дешевые колечки, а через 50 лет совместной жизни они друг другу подарят новые обручальные кольца. Но это будет все потом. А сейчас они самые счастливые люди, и никто из них не догадывался,

сколько трудностей готовит жизнь, сколько испытаний необходимо преодолеть, сколько сил нужно, чтобы не растерять ценность — любовь, преданность, честь.

1941 год. В воздухе уже пахло войной. Александр Васильевич понимал, что ее не избежать, просто не предполагал, что это произойдет так скоро. Помнит, не спалось ему по ночам. Какое-то внутреннее чувство его поднимало, он подходил к кровати сына и пытался запомнить образ, вдыхал его запах, тихонько целовал маленькие ладошки и не замечал, что Настя смотрела на него и беззвучно плакала...

В первые же месяцы войны он ушел на фронт. Дома остались его жена и сын 2,5 лет. А впереди долгие годы ада. В 1941 г. он участвовал в боях на территории Украины. Резко менялась ситуация: то русские войска держали оборону, то наступали. Особенно было тяжело в первые дни войны, когда Красная Армия несла серьезные потери и под ударами превосходящих сил гитлеровской армии вынуждена была отступать в глубь страны.

В ноябре 1941 г. кипели жаркие бои за Ростов. В это время Александру Васильевичу присваивают звание лейтенанта и поручают командование взводом. Несмотря на ожесточенные бои за Ростов, самоотверженность бойцов, город был окружен немцами и 29 ноября взят. Фронт накатывался дальше. Молодой лейтенант старался привыкнуть к войне. «Не обращать внимание на смерть! Не слышать стонов! Не плакать! Ты солдат!» — это он вбивал себе в голову. Но сердце кричало, плакало, сжималось от боли, когда рядом с ним падал мальчишка, еще не понявший, что такое Родина, но уже отдавший за нее жизнь. Год войны стал вечностью. И война для лейтенанта кажется бесконечной. Сын уже научился говорить, а солдат не слышал ни разу, как Всеволод четко выговаривает букву «р», как звонко кричит «папа», показывая на фотографию. Только запах он помнит: мягкий, теплый, родной.

Жаркий июнь 1942 г. Шли бои за Ворошиловград. Александр Васильевич воевал со своим взводом в 519-м противотанковом истребительном полку. В один из боев, держа оборону, его колонну атаковали немецкие танки. Рядом разорвалась граната, Александр был контужен и потерял сознание. Очнулся от того, что кто-то его волок по земле за ноги. С трудом открыл глаза.

Ничего не видно, только отрывисто слышал немецкую речь. Он застонал. Плен, неужели плен...

Всех раненых, способных идти, собирали в сортировочно-пересылочный полевой лагерь, где отбирали евреев, политруков, коммунистов, офицеров. Формировали команды и отправляли по немецким лагерям. Из воспоминаний: «Я прошел 7 немецких лагерей, и моя судьба была выжить и вернуться. В лагерях, где я был (Лисичанск, Днепропетровск, Владимир-Волинск. Нюрнберг, Мосбург, Мюнхен, Берген) пленных использовали на тяжелых работах: в каменоломнях, карьерах, шахтах, рудниках, военных заводах».

Что тогда помогло ему выжить, он и сам не знает. Может благодаря физической силе, которой наградила его природа. Изнуряющая работа, скудная пища, постоянные избиения, вши, холод не сломили его. А может остался жив, потому что пленные так и не выдали его — коммуниста и офицера. Или он обязан остаться жить, так как дома его ждали жена и сын?

Это мы сейчас говорим: проявил отвагу, не сломался духом, не предал Родину.

А они, тысячи пленных, сцепив зубы, сжав кулаки, про эти слова и не думали. Только одно стучало в голове: выжить и успеть отомстить. Семь немецких лагерей прошел Александр Васильевич, три года ада, унижений. Он вспоминает, что однажды ему захотелось заплакать как ребенку, разрыдаться в голос, зареветь неистовым криком, выкинуть из груди всю боль и отчаяние... И не смог. Нет голоса, нет сил внутри, где сердце — пустота. Там нет горя и отчаяния. Там ненависть к фашистам, там надежда притаилась, там любовь спряталась. И он понял: крикнул бы тогда, закричал бы зверем, и ушло бы все это с криком, и осиротело бы сердце, и наступила тогда бы смерть. Он не стал фаталистом, но почему-то тогда подумал: «Судьба моя — выжить».

Концлагерь в Берген-Бельзене был создан в мае 1943 г. специально для содержания евреев, предназначенных для обмена. Сам концлагерь был обнесен высоким забором из колючей проволоки, сквозь который пропускали ток высокого напряжения. Через каждые 75 метров торчала наблюдательная вышка с обзорной площадкой под крышей. На вышке устанавливался пулемет.

Часовые сменялись каждые три часа. За этим ограждением пролегалла широкая нейтральная полоса, которая великолепно просматривалась. «Ворота» лагеря представляли собой, обычно, вытянутое в длину одноэтажное здание с башней посередине, где находилась обзорная площадка, и стояли мощные прожектора, которые зажигали, когда темнело.

Александр Васильевич вспоминает:

«В лагере смерти все было так странно, нереально, оскорбительно и потрясающе, что никакие клеймящие позором определения, вроде: рабское существование, каторжная жизнь, неестественная смерть и тому подобное, — никак не могут быть употреблены применительно к такой неправдоподобной действительности. Даже время там не существовало в том понимании, в ка-

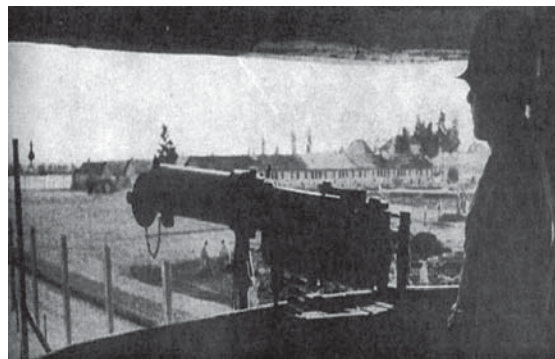
ком оно существует здесь, на планете Земля. Каждая ничтожная доля мгновения в этом месте проходила в другом измерении времени. У жителей той планеты не было имен, они не имели родителей и не имели детей. Они не были одеты подобно тому, как одеваются люди здесь, они дышали по иным законам природы. Они не жили по законам здешнего мира и умирали также не по его законам».

Берген-Бельзен печально знаменит еще и тем, что стал первым на территории Германии концлагерем, куда свозили русских военнопленных. Разумеется, «учреждения» подобного рода находились в ведении СС и порядки в них были воистину чудовищные.

«Когда мы прошли через ворота Берген-Бельзена, мы оказались вне жизни и времени. Нам не на что было ориентироваться, не за что и не за кого было держаться... Тот, кто попадал сюда, попадал в хаос, в ничто».

В начале 1945 г. пленных в концлагере в Бергене, где находился Анашенков Александр Васильевич, освободила американская армия. На мой вопрос, какой день в лагере запомнился ему больше всего, Александр Васильевич ответил: «Первый день после освобождения. Перед тем нас несколько суток уже не выпускали из барачков. Не давали ни есть, ни пить. Люди умирали один за другим. Ужас, растерянность, невыносимый смрад могли без преувеличения свести с ума. Наконец, двери нашего барака открылись. Какие-то люди в военной форме торопливо выталкивали нас во двор. То, что я там увидел, было еще страшнее. Штабеля трупов между бараками; трупы, доверху заполнившие канализационные ямы... Вблизи крематория выросли холмы — места поспешных захоронений».

Сегодня на территории бывшего концлагеря покой и музейная тишина. Бараки сожгли: другого способа прекратить вспых-

нувшую эпидемию не было... Если бы не мемориальный комплекс, в Берген-Бельзе не ныне, пожалуй, ничто не напоминало бы о трагедии сотен тысяч людей, попавших в руки фашистских палачей. Но комплекс стоит как символ покаяния нынешних поколений немцев. Покаяния в страшных преступлениях, содеянных предками. В братских могилах захоронено 50000 советских военнопленных. Имена неизвестны.

Узников, оставшихся в живых, передали русским. «Дальше нас этапом перегоняют в Венгрию, где формировался эшелон и на поезде отправляют до Москвы. В Москве вновь проверка и пересадка до Вышнего Волочка. Там тоже своего рода лагерь, где проходит тщательная проверка особым отделом "Смерш"». После трехмесячного унижительного допроса, Анашенкова А.В. отправили в город Тихорецк Краснодарского края. Туда, откуда он уходил на войну.

Он боялся встречи с семьей. Что им скажет: где был, почему столько лет не давал весточки? Как же: ведь я узник концлагеря, значит, предатель...», а еще, «в 1942 г. моя жена получила извещение о том, что я пропал без вести». «А вдруг Настя не дождалась его? Узнает сын своего отца?» — тысячи вопросов терзали солдата.

А когда он увидел жену, поседевшую, а рядом своего сына — испугался: «Как я мог думать о них плохо, как я мог усомниться в их любви».

Утром он встал раньше, захотелось вдохнуть родного воздуха, постоять босыми ногами на земле. На земле, которую защищал. Пусть он убил мало фашистов, но он верил в свою землю — она не позволит, чтоб ее топтали варвары.

Истерзанный солдат опустился на колени, припал к земле и ахнул -знакомый запах, он его никогда не забудет, он пронес его через всю войну, через семь лагерей: это был запах его сына...

Трудно было Александру Васильевичу. Косились на него люди, не доверяли чиновники. Устроиться на работу по специальности не получалось. Пришлось пойти грузчиком на лесоторговую базу города Тихорецка. Через 5 месяцев он поступает на годичные курсы механиков сельхозмашин в учебный комбинат зерносовхоза Тихорецкий. По окончании получил диплом механика, вместе с ним этот же комбинат окончил и его сын. И завербовались в Сочинский трест «Главкурорт». Проработав

в Адлеровском мясомолочном совхозе, был переведен в Белореченский совхоз. Но через 8 месяцев серьезно заболела его дочь, и он вновь возвращается в город Тихорецк.

С 1950 г. работает мастером в СПТУ-47, одновременно заканчивает Брюховецкий техникум. Ему 40 лет, но он продолжает повышать квалификацию, понимая, что только образованные люди могут дать знания новому поколению. А то в свою очередь будет строить новое общество — коммунизм. Он наивно верил в это, он даже не смел думать иначе. Как и весь народ, стремился к победе. Правда, о какой победе шла речь в лозунгах, он не знал. Просто в слово «Победа» он вновь вложил слова, которые сопровождали его всю жизнь — трудолюбие, честность, порядочность, любовь. И где бы он ни был (страну он исколесил вдоль и поперек) везде и всегда о нем говорили только хорошее. Как лучшего мастера училища его посылают неоднократно на уборку зерновых с полей совхозов Тихорецкого района. И каждый раз — он победитель, тогда еще социалистического соревнования. Как опытного механика отправляют на Алтай, где был отмечен благодарностью государства и правительства. Дважды был в Казахстане, его труд также был отмечен медалью.

Но главной победой — было признание его людей. Уже никто не вспоминал, что он четыре года был в плену. А военкомат, перепроверив в который раз документы, признал его участником Великой Отечественной войны. За отвагу, мужество и героизм он награжден орденом Отечественной вой-

ны, медалью Жукова, юбилейными медалями к Дням Победы в Великой Отечественной войне и 60 и 70-летию Вооруженных Сил СССР, медалью «Ветеран труда».

В СПТУ-47 зерносовхоза «Тихорецкий» он проработал 20 лет. Сотни механизаторов подготовил он для сельского хозяйства. 25 групп мальчишек выпустил из стен училища. Он был для них не просто мастером — наставником, а старшим братом, отцом, другом, человеком, с которого можно и нужно брать пример.

Он не смог сидеть дома, после ухода на пенсию пошел учителем в школу-интернат № 17, затем в среднюю школу № 18 зерносовхоза «Тихорецкий», преподавал для мальчишек десятиклассников предмет «Устройство сельхозмашин». Затем перешел на более спокойную работу — слесарем в школе. В обязанности входило отремонтировать мебель, починить проводку.

Забот у классного руководителя много. Не только нужно учить, воспитывать, думать о досуге детей в свободное время, но и следить за состоянием мебели класса. Вот открылся шуруп, расшатался стул. Надо завтра попросить Александра Васильевича — пусть поможет. На следующий день учитель видит, что все уже сделано. Но он же к нему не обращался? Все очень просто. Когда заканчивались уроки, и школа к вечеру замолкала, приходил Васильевич со своим незатейливым чемоданчиком, открывал класс и сам просматривал школьные парты, стулья. И где видел необходимость ремонта, там его и делал. Его не надо было искать неделями и упрашивать. Он сам четко знал свою работу и искусно ее выполнял. Вроде бы о чем я пишу — прописные истины, но говорят старожилы школы, что такого слесаря в школе № 18 больше не было. И кто помнил Александра Васильевича, с уважением отзывались о нем.

Можно написать целую книгу об этом человеке, и не иссякнут слова, чтобы не восхищаться им. Бездонная душа была у него. Фраза «переполнена душа» — ему не подходила. Удивляешься: откуда силы брались, так горячо любить все — жену, детей, работу, людей, жизнь.

У дочери не сложились отношения с мужем, пришлось уехать, а двоих детей оставить на попечение бабушке и бабушке. Александру Васильевичу и Анастасии Филипповне хватило и сил и любви, чтобы

воспитать внуков, дать образование, вырастить их порядочными людьми.

«Жизнь прожить — не поле перейти». Это верно. Кто может достойно перейти поле Отца-кулака, поле Войны, поле Концлагеря. А вот перед тобой поле Утверждения себя и Доказательства, что ты не предатель. Поле Любви и Счастья просто пройти, а провести с собой самых близких людей очень трудно. Как выжить морально, когда идешь по полю Мертвых, где нашли приют твои друзья, твоя жена.

Это был самый страшный удар в жизни нашего героя. Они вместе шли рука об руку 60 лет. Каждый в душе желал умереть раньше, потому что хоронить своего любимого человека, казалось, не будет сил. Стоя у гроба своей жены, своей Настеньки, он плакал второй раз в жизни. Тихо текли слезы по щекам, останавливались в морщинках. Сильный мужчина сейчас был слаб. Как пройти поле Разлуки, обойти поле Одиночества и остаться мужественным? Никто: ни дети, ни внуки подсказать не смогут, только помочь, а вот найти силы придется ему самому. И он смог. Он знал, что ему осталось жить намного меньше, чем прожил. Поэтому надо успеть насладиться жизнью до конца. Все так же радоваться восходу солнца, летнему дождю, морозному узору на стеклах. Ему судьба дала возможность жить и выжить, и он не вправе распорядиться подарком иначе.

Александру Васильевичу пришлось уехать после смерти жены в город Минск к дочери. Перед отъездом он зашел в школу: «Вещи собраны. Я уезжаю». И как-то трогательно достал из сумки несколько стопок открыток, перевязанных тесьмой. «Эти открытки собирала моя жена. Она очень любила цветы. Их так много, большую половину я оставил себе, а эти хочу подарить вам. Мне хочется, чтобы все знали, как я ее любил. Вы будете смотреть на открытки и вспоминать, что был такой человек, которого я страстно любил». Он уехал.

В далекую и незнакомую Белоруссию. Ко всему человек привыкает, и вот он постепенно влюбляется в Минск. Воздух, природа, чистота — ему все нравится. Здесь его дочь, внуки, правнуки. Он живет полной жизнью. Вот он у Минского моря, а здесь — на берегу реки Свислочь в Троицком Предместье. Посмотрите на другую фотографию — Александр Васильевич в окружении правнуков. Спокойствие в гла-

зах, гордость за подрастающее поколение. А сзади на стене вы увидите вырезанные из журналов произведения искусств, картины, обрамленные в рамки, которые сделал сам ветеран. Это его увлечение. И чаще всего встречаются портреты женщин. Что это? Память о жене? Она собирала открытки, а он, подражая ей, в 90 лет начал собирать портреты. И домочадцам это нравится.

Он частенько гулял со своим правнуком. Так понравился ребятам из художественного училища (они в это время рисовали в парке), что запечатлели его на рисунке и подарили ему.

Вчитайтесь в его письма и поздравительные открытки, которые он присылал в нашу школу: «Я невидимой нитью связан с вами». В 96 лет он думал о «светлом, плодотворном и счастливом годе».

Удивляешься этому человеку: какой оптимизм, какая жажда жить, какой пример. Душа не ожесточилась, сердце не очерствело — это еще одно поле жизни, которое он гордо прошел.

Я захожу в школьный музей. Вот фотография, которую он оставил в доме, уезжая в Минск, теперь уже здесь, рядом открытки его жены, котелок из концлагеря, на котором высечены даты перемещения из лагеря в лагерь, и номер — он висел у него на шее — № 101313. Вот видимая нить, которую он оставил после себя. Ничто не уходит от нас на этой земле навсегда, даже если мы теряем все, нам остается память, а памятью уже можно жить.

Седой старик мудро говорил: «Мне уже много лет, возраст преклонный, но, не смотря на все тяготы моей судьбы, душа моя не ожесточилась, сердце не очерствело. Я очень люблю жизнь, людей, своих детей и внуков, обожаю правнуков и сколько лет жизни мне Бог пошлет, буду жить в гармонии со своей совестью и внутренним миром».

Александр Васильевич жил в Беларуси, у своей дочери. Пусть теперь для нас это «заграница», а для него это часть той большой Родины, которую он защищал. И как долгожданные весточки каждый год от него мы получали письма и открытки, которым были очень рады: «Жив! И дай ему Бог здоровья! Доброму, щедрому, любящему и любимому».

История одной судьбы. А сколько их по всей России. Миллионы маленьких жизней, миллионы великих судеб — из них складывается судьба нашей Родины. Однажды рожденные, мы привязаны к Отчизне. И пусть это будет небольшой поселок Парковый Тихорецкого района или огромный Минск — наша малая Родина все равно большая, ведь она единственная. Как единственная жизнь человека, не похожая на другую. И чтобы тебе не уготовила судьба, только от тебя, человек, зависит, как проживешь жизнь.

ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Аксаков С.Т. Сборник стихотворений. М., 1978 г.
2. Анашенков А.В. Воспоминания из моей жизни. Рукопись.
4. База раскулаченных. Интернет.
5. Вторая мировая война: Сб. аналитических ст. М., 1994.
6. Книга Памяти жертв политических репрессий. Интернет.
7. Концентрационные лагеря Германии: Сб. ст. Л.: Лениздат, 1984.
8. Личные письма А.В. Анашенкова и лекция открыток его жены.
9. Фотоархив семьи Анашенковых.
10. История семьи Анашенковых: Материалы поисковой группы школьного музея СОШ № 18 поселка Паркового.